

“Выйти из шкафа”: мама Ромы

<http://www.illuminator.info/lichniy-opyt/viyti-iz-shkafa-mama-romana>

Мама Ромы: Да, я всегда замечала, что мой сын – немножко необычный ребенок. В детстве его интересовали вещи, которые были вообще не интересны другим людям. Какие-то там мелочи, букашки, травинки. Ну, я понимала, что он – гуманитарий.

По мере взросления Ромы, я видела, что у него просто другой мир. Ну, он мог что-то написать, записать какие-то свои мысли. Так он начал писать книги, делать зарисовки, пошел в журналистскую студию. И все равно где-то я чувствовала, что он немножко необычный. Например, у него в детстве были периоды, когда он интересовался куклами. В то же время, он с удовольствием играл в машинки. Ему нравились красивые вещи, красивые украшения, красивые девушки. Я сравнивала его с другими мальчишками и понимала, что он чем-то от них отличается. Может быть, материнское чувство мне подсказывало, что здесь что-то не так. Но я гнала от себя эти мысли. Потому что я была совершенно с этим не знакома, в моем окружении тогда не были никаких геев вообще. Я, как все нормальные советские люди думала, что это плохо, что это ненормально, и я даже представить себе не могла, что мой сын “такой”.

Рома: Я знаю, что в глубине души она стесняется и стыдится меня. Потому что, во-первых, она не говорит никому из родственников, не говорит никому на работе. То есть, этот груз ответственности каким-то образом лег на ее плечи. У нее сейчас новый ухажер и я даже не знаю, как она ему скажет. То есть, с одной стороны у тебя новые отношения, а с другой стороны – у тебя два сына, один из них “ну, вот такой вот”, и ты к нему на Новый год ездила. Мама сейчас думает, как ей сделать такой “материнский каминг-аут”.

Мама Ромы: Для меня было страшно, что он испытывает. Мне почему-то было больно. Я понимала, что он сейчас в таком состоянии, что ему очень нужна поддержка, но чувствовала полное бессилие. Потому что Рома был там, в Москве, а я в Северодвинске, и я не могла взять и физически в одну секунду прилететь к нему.

В какой-то момент я поняла, что он может подумать, что я от него отвернулась, и тогда он может сделать с собой все, что угодно. Может быть, не всегда, но очень часто это заканчивается трагически. У меня есть знакомые, которые либо спивались, либо заканчивали жизнь самоубийством, потому что не могли выносить этого груза. Молчание, да. Именно молчание – оно тяготит человека. А Ромка – он такой ранимый. Для него носить на себе эту ношу было бы просто невозможно. Еще какое-то время, и с ним бы что-нибудь случилось. У него есть такая склонность – он депрессивный тип. И, если бы он это взял и затолкал поглубже, во что бы это потом вылилось? Я сразу ему позвонила, мы очень долго разговаривали. Оба плакали. Ему было важно, чтобы я это поняла. И важно, чтобы это поняла вся семья. Ну, может быть, бабушке с дедушкой он все-таки зря признался – они то уж точно старой закалки. Дед до сих пор его не принимает. Бабушка как-то начала привыкать к этой мысли, начала какую-то там литературу читать. Она начинает его как-то понимать, а дед нет, дед категорически его не принимает.

<http://illuminator.info/>